

Джадидизм: реформированный ислам

*Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме
человека для обновления религии*
Пророк Мухаммад

Журнал начинает публикацию отрывков из новой книги Рафаэля Хакима «Джадидизм: реформированный ислам», в которой автор размышляет о судьбе исторических традиций татарского джадидизма в наши дни. Многочисленные статьи, интервью Р. Хакимова привлекли к себе внимание, а работа «Где наша Мекка?» вызвала бурную полемику в Казани, Москве, Дагестане. Отдельные статьи вышли за рубежом, в частности в США, Лондоне, Германии, в таких изданиях, как «Отечественные записки», «Russia

in Global Affairs», «Россия в глобальном мире», «Вестник Института Кеннана в России»¹. Журнал «Newsweek» включил Р. Хакимова в число шести реформаторов ислама в Европе среди таких имен, как Абдулкарим Соруш, Тарик Рамадан, Фетхуллах Гюлен, Мустафа Церич, Басам Тиби и назвал «татарским Мартином Лютером»². Новая книга представляет собой не столько исторический взгляд на джадидизм, сколько попытку осмысления опыта татарских богословов в свете проблем, возникших перед исламским миром в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Khakimov, R. Euro-Islam: key points – Oriental studies in the 20th century: achievements and prospects. – Moscow, 1997. – Vol. 1; Хакимов Р. Ислам в Поволжье // Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. – Казань, 2003; Хакимов Р. Где наша Мекка? – Казань, 2003; Khakimov, R. Islam's Modernization: How Plausible Is It? // Russia in Global Affairs. – 2003. – Vol. 1. – № 4; Хакимов Р. «Евроислам» в межкультурных отношениях // Исламская культура в Волго-уральском регионе. – Стамбул, 2004; Khakimov, R. Euro Islam in the Volga Region // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies Vol. XXVII. – 2004. – № 2; Хакимов Р. Двести лет исламской реформации // Вестник Института Кеннана в России. – 2004. – Вып. 6; Khakimov, R. Tatarstan: Euroislam in the Volga region // H. McPherson et al. (eds.) Emerging Treats to Energy Security and Stability. – 2005, London; Where is our Mecca? (Manifest of Euroislam) // Rafael Khakim. Russia and Tatarstan. At a Crossroad of History. – Kazan, 2007.

2. «Newsweek». – 2008. – № 40.

Отрывок из главы «Читай!»

В Коране сказано: «Читай!»

Что значит читать? Заучивать, цитировать, толковать? Читать по-арабски умеют многие, но далеко не все из них могут проникнуться смыслом прочитанного. Механически заученный текст не представляет ценности, его смысл теряется в речитативе хафиза.

Многие богословы в попытке лучше понять Коран стремятся вникнуть в тонкости языка, имамы рекомендуют верующим непременно учить арабский. Рамиль Адыгамов, отражая довольно распространенное мнение, пишет, что ученый-богослов (муджтахид) «обязан в совершенстве владеть арабским языком, его грамматикой, лексикой и т. д. Также очень важно, чтобы муджтахид был осведомлен о лексическом значении слов, которое они имели во времена пророка Мухаммада. В арабском языке очень много синонимических слов (например, около семисот названий верблюда), каждое из них несет свой оттенок, поэтому и анализ текстов должен производиться только с учетом всех оттенков, которые часто упускаются в переводах»*. Можно тешить себя знанием тонкостей средневекового арабского языка и выставлять это как явное профессиональное преимущество, т. е. верно перевести оттенки слов, описывающих верблюда, но большинству мусульман надо знать основные понятия: иман (вера), таухид (единобожие), гиадат (поклонение), джихад (усердие), иджитхад (свободомыслие) и некоторые другие, которые можно и нужно понимать на родном языке. В Коране сказано: «Бог сотворил небеса и землю по истине» [45:22]**. Нужен ли арабский язык, чтобы понять это? Не нужен. Конечно, вокруг вопроса извечности или сотворенности мира, необходимости признания первоотчетчика, демиурга для возникновения сущего мира и т. д. появилась обширная литература, шли жаркие споры в течение столетий, но в них сам язык изложения выполнял вспомогательную роль.

Знатоков арабского языка всегда достаточно, однако за прошедшие столетия количество тафсиров (толкований) Корана стало не меньше, а больше. Растет число книг, в которых авторы возвращаются к одним и тем же темам. Современный турецкий исследователь Хайдар Баш считает, что в мазхабах (правовых школах) все вопросы были решены уже в средние века: «Мазхабы и машрабы Ахл ас-Сунна уже давно проделали анализ всех религиозных проблем, основываясь на самых достоверных принципах»***. Если все вопросы решены мазхабами, то почему появляются все новые и новые фетвы (решения) по давно известным вопросам? Откроем оглавление книги «Современные фатвы» весьма популярного богослова и видного мусульманского общественного деятеля из Катара Юсуфа аль-Карадави****. Первая глава посвящена посту и закяту, вторая — дозволенной и запретной пище, третья — семейным отношениям и т. д. Разве об этом не говорил пророк Мухаммад и его сподвижники? Разве в шариате нет решений этих вопросов? Юсуфа аль-Карадави нельзя назвать реформатором, ломающим традиции, он не создает нового направления в исламе. Но время требует заново прочитать какие-то аяты Корана, что не случайно и не является прихотью автора.

В исламе существует огромное количество течений. Основатели каждого из них были великолепными знатоками арабского языка и Корана, но они по-разному понимали суры. Мусульмане весьма ревностно отстаивают мысль о том, что ислам един. Что под этим имеется в виду? То, что сунниты и шииты одинаковы?! Или же исмаилиты и ваххабиты одно и то же течение? Или же сторонники четырех суннитских мазхабов утверждают одни и те же правовые нормы? При этом некоторые радикальные партии и даже целые страны замарали себя в братоубийственной войне. Нет единства мусульман.

Почему же знание арабского языка не дает однозначного толкования Корана? И, вообще, требуется ли единственно верное понимание сур Священной книги? Может быть, в ней изначально был иной замысел, а именно неоднозначное толкование. Претензия на обладание истиной дает возможность одним обвинять других в ереси, вероотступничестве, уличить в бид'а (нововведении), что выгодно священнослужителям и политикам, использующим исламские лозунги в своих корыстных целях. А многообразие толкования Корана ведет к плюрализму мнений, что сближает ислам с либерализмом, не популярным среди мусульман.

* В кн.: Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари. Избранное. — Казань, 2007. — С. 42.

** Тексты из Корана даны в переводе Д. Н. Богуславского. — Коран. — Стамбул, 2001. Ссылки даны последовательно на номер суры и аята.

*** Хайдар Баш. Макалат. Ислам: секрет становления. — Ярославль, 2000. — С. 161.

**** См.: Юсуф аль-Карадави. Современные фатвы. Вып. 1. — М., 2004.

*«Мысль — это движение сердца через пространство
преходящего и тленного мира.*

*Мысль — светоч сердца, и если этот свет исчезнет,
сердце останется во мраке»*

Шейх Ибн 'Ата' Аллах аль-Искандари. «Книга мудростей»

Коран снизошел не как кодекс законов, пригодный для судебного процесса, он ниспослан для размышления над смыслом аятов. Сегодня даже чтение Корана на средневековом арабском языке уже является интерпретацией, ведь значение слов поменялось. В одной из статей написано, что «человек приближается к Аллаху сердцем. Разум — помощник сердца»*. Это действительно так, если исходить из прямого перевода слова сердце (кальб), но во времена пророка Мухаммада у арабов сердце считалось вместилищем разума. Среди изречений имама Али есть такие слова: «Есть в человеческом теле часть, прикрепленная к нему веной, и она — самая удивительная: это сердце. И это — потому, что она — сокровищница мудрости...»**. Стало быть, стремиться к Господу сердцем по Корану означает понять его разумом. Сказано: «Разве сердца их не способны понимать и уши их не способны слышать?» [22:46]. Здесь говорится, что сердце понимает, а не чувствует. Сегодня для нас сердце — «вместилище» эмоций, а разум мы связываем с мозгом человека.

О сердце, многократно упоминаемом в Коране, возникла целая наука «сердцеведения», которая имеет собственную историю. В энциклопедическом словаре читаем: «Значение термина кальб для мусульманского богословия и в особенности мистицизма определилось частотностью и спецификой его употребления в Коране и хадисах. В Коране, где он встречается 133 раза, это — орган постижения и осмысливания религиозных истин, вместилище веры (иман) и благочестия. “Запечатывая сердца” “грешников”, “неверующих” и “тиранов”, Аллах, согласно Корану (10:74/75; 7:101 и др.), лишал их своей милости и обрекал на незнание истины и адские мучения. С развитием экзегетики появляется множество трактовок термина, особенно в среде зуххад и 'уббад, склонных к аллегорическому толкованию текста Корана»***. Мутазилиты подчеркивали исключительно рациональную деятельность «сердца» и фактически отождествляли ее с мышлением. В суфизме «наука о сердцах и помыслах» ('илм ал-кулуб ва-л-хаватир) развилась в учение о «мистических стоянках и состояниях» (макамат ва ахвал). Один из величайших в истории мусульманской мысли богословов Аль-Газали так определил «кальб»: «Знай, что стремящийся к Всевышнему Аллаху для того, чтобы войти в Его присутствие, — это сердце без тела. Я не подразумеваю под сердцем чувственно осязаемое мясо. Напротив, это сердце есть тайна из тайн Великого и Всемогущего Аллаха, которую невозможно постичь чувствами. Это сердце — подарок из даров Бога, и его смысл можно понять через слово “рух” (дух). Шариат толкует это духовное словом “сердце”, ибо оно есть лучшее средство познания сокрытой первоистины. Все остальные органы лишь служат орудиями для сердца. Сердцу как тайне Бога раскрыты сокровенные знания, постижение которых ему гарантировано»****. Обобщая различные суфийские толкования понятия «кальб», современный турецкий ученый и выдающийся общественный деятель Фетхуллах Гюлен пишет: «Сердце — место веры, поклонения, высшего совершенства или превосходства (ihsan), и потому оно, как могучая река, сияющая и вдохновляющая, определяет отношение с Богом, человечеством и вселенной»****.

Различное понимание слова «кальб» связано не с плохим знанием арабского языка, а с его толкованием, и здесь каждый может иметь собственную точку зрения, поскольку обращение к авторитетам ничем не может помочь. В аяте «Иона» сказано: «После этого Мы послали других пророков к народам; они им являлись с явными знамениями; но эти народы не могли уверовать в то, что они прежде считали ложью. Так налагаем Мы печать на сердца нечестивых» [10:74]. В этих словах «сердце» (кальб) может означать разум, а также душу, понимание народом своего предназначения и т. д. Можно комментировать эти слова в тра-

* Шайдуллин Х. Л. Вероучение Ислама. — В кн.: Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит. Трактаты. — М., 2001. — С. 15.

** Имам Али. Фрагменты книги «Нахдж ал-балага» («Путь красноречия»). — В кн: Р. Т. Юсмухаметов, А. Г. Хайрутдинов, Л. И. Алмазова. Исламоведение. — Казань, 2008. — С. 233.

*** Ислам: Энциклопедический словарь. — М., 1991. — С. 131.

**** Цит. по: Шейх Ибн 'Ата' Аллах аль-Искандари (Александрийский). Книга мудростей (Китаб аль-хикам). — Уфа, 2001. Введение и перевод И. Р. Насырова.

***** M. Fethullah Gulen. Key Concepts in the Practice of Sufism — Emerald Hills of the Heart. — Vol. 2. — New Jersey. — 2004. — P. 1.

диях мутазилитов или суфиев, или начать новое направление, ведь за эти столетия о слове «калб» высказались самые выдающиеся авторитеты, и они придерживались различного мнения. Эта полемика вокруг одного понятия не прекратилась и в наши дни. Основатель Международного института исламской мысли и цивилизации (Малайзия) Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас пишет: «С нашей точки зрения, помимо физических качеств, человек наделен также интеллектуальными, духовными силами или способностями, восходящими к той духовной субстанции, которая иногда называется интеллектом, а иногда сердцем, душой, собственным 'я', из чего следует, что рациональное, умственное и эмпирическое бытие человека должно включать в себя как физический, так и духовный уровень»*. Различные общины в разные времена вкладывали в слово «калб» различный смысл, порой прямо противоположный. Значит, знание арабского языка не является гарантией однозначно понимания ключевых понятий Корана. А может быть, Коран и не предполагает единого толкования слова «калб», оставляя это на усмотрение каждого читающего.

* * *

[...] Господь посылал десятки пророков, чтобы донести народам заповеди на понятном им языке. Сказано: «Мы тебе дали откровение, подобно тому как дали откровение Ною и пророкам, бывшим после него, Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову, двенадцати коленам, Иисусу, Иове, Аарону и Соломону; Давиду Мы дали псалмы... Бог действительно говорил с Моисеем» [2:163-164]. Коран — речь Бога, записанная людьми на арабском, а Тора — на древнееврейском. «Мы не иначе посылали наших посланных, как говорящими каждый на языке народа своего, чтобы лучше объяснять им» [14:4]. Важны не слова, буквы и звуки, а смысл откровений. Абу Ханифа писал: «Аллах говорит, но не так, как мы. Мы говорим при помощи органов речи, произнося различные звуки. Речь Аллаха не имеет ни начала, ни конца и не прерывается, потому что не является ни буквами, ни звуками»**. Арабы когда-то наивно полагали, что Коран им был дан Господом на арабском языке. На самом деле книга была пророку «ниспослана» [2:285; 3:7; 5:83], ему снизошло «откровение» [4:163]. Пророк говорил: «Я следую только тому, что мне открыто» [10:15]. Речь Аллаха не сотворена, она не вербализована им самим, но суть ее донесена через пророка. Племена Аравии могли понять Коран только на родном языке. Сказано: «Если бы Мы дали Коран на иностранном языке, они сказали бы: если бы хоть стихи его были ясны, а то они написаны на чужом языке, а сам он (Мухаммад) — араб» [41:44]. [...]

Язык существует только в контексте своего времени, ведь смысл слов становится явным при их применении, он отражает обстоятельства жизни. Нельзя Коран читать так, будто Пророк живет в XXI веке, нельзя навязывать современному обществу средневековые термины. Остаются звуки, но не смысл. Для понимания нового содержания слов не может помочь знание тонкостей языка, его грамматики, исследование слов в качестве частей речи, места в предложении, анализ окончаний, глагольных форм и т. д. Смысл слов со временем ускользает, и остаются миражи, порожденные перипетиями многовековой истории. Не владение грамматикой объясняет смысл коранического языка, а понимание образа жизни давно ушедшей эпохи, которую не вернуть и в которую не вернуться. Есть искушение обратиться к успешной жизнедеятельности и мыслям ранней мусульманской общины как примеру для подражания, что и предлагают салафиты, но любые подобные попытки будут всего лишь красивой имитацией. Индейцы Америки пытаются воспроизвести традиционную жизнь в резервациях, но нередко живут за счет казино или же привлечения туристов, ведь стада бизонов исчезли.

Каждый язык несет собственное понимание смысла слов, ибо в нем концентрируется национальная история. [...] На употребление языка накладывает свой отпечаток профессия, сословие, условия труда, склонности и т. д. Не случайно возникают сленги, жаргоны, профессиональные языки. Но их появление приводит к потере всеобщности функции языка, поэтому они оказываются достоянием узкого круга специалистов. Нам трудно уловить смысл разговора фармацевтов или же физиков. Коранический язык богословов также превратился в профессиональный жаргон, тайный язык. В современных богословских книгах на тебя обрушивается запутанная терминология. Становится непонятным, для кого пишут-

* Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение в метафизику ислама — изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. — М.-Куала Лумпур, 2001. — С. 201.

** Цит. по: Знание о боге — наиважнейшее из знаний. — Киев, 2002. — С. 17.

ся эти книги, если даже специалисты с трудом могут разобраться в богословских хитро-сплетениях. Улемы (ученые) упиваются цитированием друг друга и жонглированием цитат из Корана и многочисленных хадисов. «От их веры не осталось ничего, кроме пустой болтовни», — сказал в свое время великий Абу Хамид аль-Газали*. Можно эти слова повторить и сегодня. Бесконечные пустые разговоры богословов не дают новых знаний. Вокруг одного хадиса пишутся горы книг, а о реальной жизни — ни слова. [...]

Но понимание ислама, как учения отстраненного от современных проблем, стоящих перед человечеством, говорит о плачевном состоянии исламской мысли, ведь молитвы, фикх и классификация ангелов не заменят аэродинамики и не помогут строить самолеты, создавать новейшие технологии, повышать уровень знаний, на что следует ориентировать мусульманскую молодежь. Мышление, как и сам язык богословов оторвался от жизни, он стал ритуальным жаргоном, необходимым только для существования самих улемов и сословия священнослужителей. Но в таком случае возникает вопрос — насколько необходимо обществу подобное сословие? Если высказывания ученых непонятны простому человеку, то, значит, улемы отгораживаются от общества, преследуя корпоративный интерес. Есть сферы, где необходим профессиональный язык, очевидно, что математики должны объясняться с помощью формулы, а не на бытовом языке, но ислам по своему смыслу создает умонастроение в обществе, доносит принципы поведения, которые должны быть понятны любому жителю планеты.

Возможно, по некоторым богословским или философским темам нужны специальные книги и соответствующая терминология. Ибн Араби писал для суфиев. Его труды по трудности восприятия напоминают работы Гегеля. В то же время татарский богослов Муса Бигиев ряд идей того же Ибн Араби изложил в очень доступной форме и с не меньшей глубиной.

Различия людей определяют различие смысла говорящих. Язык не является чем-то готовым на все времена, а живет вместе с нами. Он в нас воспроизводится бесконечное количество раз, проявляя гибкость и готовность и дальше служить пониманию мира и людей.

Жизнь проходит с твоим народом. Свою жизнь можно понять только на собственном языке, ибо твоя культура отражает ее особенности. Нельзя одну культуру ставить выше другой. Нет такого критерия. То, что подходит для жителей пустыни, не подходит для эскимосов. Нельзя всех уравнивать и не нужно этого делать. Если Коран звучит не на твоём языке, как можно его понять? Культура, миропонимание, образ жизни существуют в конкретной среде. И Коран должен быть родным, т. е. национальным. Иначе он окажется чужим. Пусть священнослужители говорят на кораническом языке, я же предпочитаю татарский или русский, они ничем не хуже.

«К числу чудес Его принадлежит создание небес и земли, разнообразие ваших языков и цветов. В этом тоже — знамение для вселенной» [30:22]

Священнослужители настаивают на том, чтобы Коран читать только в оригинале, при этом некоторые приверженцы ислама сверх всякой меры превозносят арабский язык. В популярной работе А. А. Маудуди «Основы ислама», рассчитанной на студентов, записано: «Нет более подходящего языка для выражения высоких идеалов, для объяснения наиболее запутанных аспектов Божественных знаний, для покорения сердец. Фразы и короткие предложения выражают мир идей; они настолько впечатляющи, что сам их звук может привести в состояние экстаза. Язык этот ласкает слух, кажется, будто мед заполняет ухо слушателя. Он так гармоничен, что каждая частица тела приходит в движение под симфонию его звуков»**. Любопытнее всего то, что любой народ о своем языке скажет, что он самый прекрасный в мире, и будет прав, при этом не обязательно доходить до состояния экстаза от чтения Корана, это не поможет его пониманию. Кстати, пророк Мухаммад не одобрял чрезмерность. Сдержанность считается одним из достоинств ислама. Коран надо осмысливать в спокойном состоянии, экстаз здесь не помощник.

В требовании знать арабский язык кроется корпоративный интерес священнослужителей, зарабатывающих себе средства для существования. Насколько такое поведение яв-

* Абу Хамид аль-Газали. Наставление правителям. — М., 2005. — С. 32.

** Маудуди А. А. Основы ислама. — International Islamic Federation of Student Organizations, 1960. — С. 57.

ляется праведным? Вопрос не праздный. Татарский богослов XIX в. Утыз-Имяни писал: «Пророк ел то, что зарабатывал своими руками, и надевал то, что у него было. В основном пророк надевал плащ из грубой материи. И любое действие, отсутствующее в Коране и Сунне, является ложным. Куда же ты идешь читатель? Ведь самый лучший путь — это путь пророка, да благословит его Аллах и приветствует, а самый худший путь — это путь бид'а»*. Утыз-Имяни был противником реформации, в совершенстве знал арабский язык и многие свои трактаты написал на арабском, а не татарском, но он хорошо понимал пагубность влияния псевдоучителей, видящих свои преимущества в придуманных ими же критериях. Владение арабским языком не мешает, но и не гарантирует адекватного понимания сур Корана и, конечно же, не является обязательным для мусульманина.

Ибн-Рушд, повлиявший на мировую философию через многочисленные комментарии Аристотеля, не знал греческого языка. Его авторитет в Европе был настолько высок, что порой его называли просто «Комментатор». «Ибн-Рушд читал Аристотеля только в древних переводах, сделанных с сирийского Гонеин Ибн-Исхаком, Исхак Бен-Гонейном, Айа бен-Ади и др., — пишет Эрнест Ренан. — Он сумел воспользоваться всеми экзегетическими свойствами, которыми он располагал; он сравнивает различные арабские переводы, разбирает достоинства лекций, иногда делает даже такие критические замечания, что на основании их можно было бы предположить, что он знаком с греческим языком»**. Ибн-Рушд, благодаря тщательному изучению переводов, сумел дать наиболее адекватное толкование великого философа. Поучительный пример.

Многие богословские статьи и книги полны цитат из Корана и напоминают пятничную проповедь, но цитирование разрывает текст. Весьма популярный комментатор XIV века Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди считал: «Аллах назвал Свое писание часто повторяющимися аятами. Повествование, истории, предписания и другие полезные сведения повторяются в нем, и в этом заключена великая мудрость. Аллах велел размышлять над Кораном целиком, поскольку это позволяет приумножить знания, добиться духовного и физического благополучия и привести в порядок все дела»***. Не случайно в Коране есть такие строки: «Не торопись сообщать стихи Корана, прежде чем получишь полное откровение» [20:114]. Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди продолжает: «На наш взгляд, главной задачей комментатора должно быть разъяснение смысла откровений, а лексическое значение слов — всего лишь средство для достижения этой цели. Комментатор должен рассматривать контекст и смысл откровений и сравнивать его с другими похожими аятами... Я не занимался анализом слов и выражений... Толкователи Корана справились с этим настолько прекрасно, что их последователям нечего добавить»****. Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди мог и сам дать прекрасный лексический анализ Корана, но его главной задачей было отойти от слов, привязанных к конкретной жизни, и извлечь замысел, хранящийся не только в букве, но и духе Корана.

Задача комментатора не связана с лингвистическими вопросами, она гораздо сложнее и заключена в непротиворечивом толковании смысловых понятий Корана. В отношении язычников сказано: «Убивайте их всюду, где встретите, и выгоняйте отовсюду, откуда они вас выгнали» [2:191], а в другом айте мы читаем: «В религии нет насилия; истина достаточно отличается от заблуждения» [2:256]. Здесь проблема не лингвистическая, а смысловая. Можно проанализировать все языковые тонкости этих фраз и не продвинуться ни на шаг в их понимании или даже запутаться в артиклях и окончаниях. Эти аяты, как это ни прозвучит парадоксально, легче понять не на арабском языке, поскольку история первой мусульманской общины тесно связана с перипетиями борьбы с враждебно настроенным языческим окружением. У других народов история складывалась иначе, и нередко переход в ислам проходил достаточно мирно, как, например, у татар. Когда предки татар — болгары принимали ислам, они были тенгрианцами, верили в голубое небо как божество, что очень близко к монотеизму. Им было легко принять единобожие. Впоследствии еще долгие годы, даже в официальных документах, например, ярлыках Золотой Орды, Тенгри рассматривался как синоним слова Аллах. Для тенгрианцев, принимавших добровольно ислам, при-

* Габрахим Утыз-Имяни ал-Булгари. Избранное... — С. 94.

** Э. Ренан. Аверроэс. — В кн.: Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения... — С. 619.

*** Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди. Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостивого». — Т. 1. — М., 2008. — С. 14.

**** Абд ар-Рахман бин Насир ас-Са'ди. Толкование Священного Корана... — Т. 1. — С. 15.

зв «убивайте» язычников не имел никакого смысла, в этом не было необходимости, а слова «в религии нет насилия» стали важнейшим принципом как в X веке, так и позже в эпоху Чингиз-хана, признававшего всех верующих равными.

«Мы не иначе посылали наших посланных, как говорящими каждый на языке народа своего, чтобы лучше объяснять им» [14:4]

Человек к Господу должен обращаться на родном языке. Разве можно выразить что-то сокровенное на чужом языке?! Нет, нельзя. Абу-Ханифа одобрял проведение пятничной молитвы на неарабских языках, а татарский реформатор Габдулла Буби в начале XX века писал: «Во времена Пророка и первых четырех халифов имамы (ведущие коллективные молитвы) делади проповедь на арабском, потому что они обращались к людям, знающим арабский, а не татарский. Если бы их проповеди были обращены к татарам, они велись бы на татарском языке»*. Аллаху толмач (переводчик) не нужен, Он понимает все языки, и Он не отдает предпочтения ни одному народу.

Сегодня Коран можно читать практически на любом языке. Это содействует распространению ислама. Средневековый арабский язык, несмотря на все его исторические заслуги, стал ритуальным. Через него трудно получить новейшие знания, а коранические понятия за все эти столетия прокомментированы многократно и на всех языках мира. Арабский язык и культура потеряли прежнее значение и привлекательность, они не дают тех преимуществ, которые можно получить с помощью английского. Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас ввел понятие мусульманского языка, под которым он имеет в виду «внедрение базового словаря мусульманской терминологии в языки народов, исповедующих эту религию, благодаря чему язык каждого мусульманского народа оказывается связанным с языками других мусульманских народов через базовый круг слов, ставших для всех них родными. Вот почему языки всех мусульманских народов можно было бы отнести, по существу, к одной группе мусульманских языков»**. Действительно, татарский, как и многие другие языки, насыщен арабизмами, которые достаточно полно отражают кораническую терминологию и фактически делают лишним для широкого круга верующих знание арабского языка. Лингвистическая национализация ислама в XXI веке неизбежна.

Любой язык сугубо национален и по своей природе не может быть интернациональным. Народы созданы разными. Сказано: «О люди, Мы создали вас от мужчины и женщины; Мы разделили вас на народы и племена, чтобы вы знали одни других» [49:13]. Сам Господь создал многообразие языков. В этом заложен глубокий смысл. Аллаху не нужна однообразная планета, где все стали бы мусульманами, говорящими на одном языке. Он всех создал разными. Если бы была необходимость, чтобы все народы говорили на одном языке, Аллах так бы и сделал.

Ни один язык не может быть единственно правильным и самым совершенным. Каждый народ внес свою лепту в мировую культуру, и в данном случае не столь важна его численность. Величие нации зависит не от размеров государства, величины казны, грандиозности армии, способности поработить другие народы. Моральные принципы намного важнее всего остального. Магистральный путь развития человечества определяет именно мораль, а не деньги, сила, мощь, власть. Демократия, рыночные отношения и технологические изобретения также важные элементы, но они всего лишь инструменты на этом пути. Известный экономист, лауреат Нобелевской премии Фридрих Хайек утверждал: «У меня нет ни малейших сомнений, что именно моральные традиции, на основе которых одни общественные группы получают преобладание над другими, в большей мере, чем интеллектуалы со своими проектами, сделали возможным прогресс в прошлом и обеспечат его в будущем. Сводить эволюцию к тому, что мы в состоянии предвидеть, равносильно попыткам остановить прогресс»***. [...]

Мусульмане выставляют собственную мораль ислама как более предпочтительную по сравнению с западным «разложением». Можно пытаться убедить себя в том, что мусуль-

* Абуллага Буби. Татарча хотбэ укырга доресме? – Казан, 1908. – 17 б.

** Сейд Мухаммад Накыб аль-Аттас. Введение в метафизику ислама — изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. – М., Куала Лумпур, 2001. – С. 36.

*** Ф. А. Хайек. Общество свободных. – Лондон, 1990. – С. 249.

мане более нравственны, и многие в это верят, поскольку меньше пьют, нет откровенной проституции и т. д., но возникает вопрос: откуда в таком случае столько конфликтов в мусульманском мире, порой братоубийственных? Почему при якобы высокой морали исламский мир оказался отсталым? Было же время великих свершений, но они остались в прошлом. Нельзя отсталость оправдать праведностью. Если мусульмане отсталые, значит, они не праведные, и у них серьезные проблемы с соблюдением нравственных принципов. Богатство ряда исламских стран не порождено их трудом, а определяется нефтяными запасами. Отсюда их относительно высокий уровень жизни. Роль знаний, новых открытий и свершений не играет никакой роли для жизнедеятельности мусульманской уммы этих стран. Поэтому они не могут служить образцом для других, хотя выставляют себя в качестве охранителей ислама. Там нечему учиться.

*«Если в основании дома есть хотя бы один камень,
добытый несправедливым путем, — это залог его разрушения»*
Имам Али. «Нахдж ал-балага»

Коран записан по-арабски, а любой национальный язык содержит противоречия, как и сама жизнь. «Язык как нечто универсальное никоим образом не ориентирован на соответствие требованию непротиворечивости. Он не исключает противоречий, но вскрывает их. Его живой характер проявляется в том, что он включает в себя противоречащие друг другу высказывания», — пишет Фридрих Георг Юнгер*. Противоречия, содержащиеся в Коране, нельзя отнести к ошибкам записи, тем более к недостаткам Священной книги**. Откровения мекканского периода обращены ко всем людям, там нет различий в правах мужчины и женщины, ясно выражено терпимое отношение к людям других религий. В мединский период аяты обращены в большей степени к арабам VII века. По отношению к женщинам появляется ряд положений, делающих их неравноправными с мужчинами: «Мужчины выше женщин тем, чем Бог возвысил их одних над другими, и тем, что они дают им из имущества своего» [4:34]. Конечно, этому находят историческое объяснение, но неравенство есть несправедливость, а Коран призывает к справедливости.

Противоречия между мекканскими и мединскими стихами слишком очевидны и их невозможно примирить — одни отрицают другие. Поэтому мусульманские правоведы посчитали аяты мекканского периода отмененными (наسخ) как более ранние. Но дата откровения не является критерием, по которому можно одни аяты считать по силе выше других. Некоторые богословы ссылаются на хадисы для отмены стихов Корана. «Фактическое возведение Сунны в ранг Корана, — пишет Тауфик Ибрагим, — подкрепляется учением большинства богословов-факихов о возможности “отмены”, модификации (наسخ) Корана Сунной. Вместе с тем такой взгляд на статус Сунны далеко не согласуется с неоднократно подчеркнутой в Коране мыслью о всесовершенстве и всеполноте Писания»***.

Считать одни аяты отмененными другими, и тем более считать хадисы выше коранических откровений, значит принижать волю Аллаха или считать некоторые из его посланий ошибочными. Сказано: «Мы не уничтожим ни одного стиха или не заставим забыть его, без того, чтобы не заменить его лучшим или подобным прежнему» [2:106]. О возможной отмене говорится применительно к Богу, который может заменить или заставить забыть, но не обращено к кому бы то ни было другому. Пророк внимательно следил за правильностью запоминания стихов Корана и ничего из него не опустил под предлогом отмены. Сказано: «Мы научим тебя читать Коран, и ты ничего не забудешь из него, кроме того, что будет угодно Богу, потому что Ему известно все и явное, и скрытое» [87:7]. Господь опустил бы негодное или устаревшее из Корана еще при жизни пророка, но он этого не сделал. Мухаммад ясно различал откровения и собственные суждения, чего требовал и от других. Если бы это была реальная отмена, тогда сам пророк не включал бы так называемые «отмененные» аяты в текст Корана.

Как известно, под его непосредственным контролем были подготовлены четыре главных учителя Корана: Абдулла бин Масуд, Салим Маула Аби Худхайфа, Муаз бин Джабал

* Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление. — С.-Петербург, 2005. — С. 42.

** Подробнее о противоречиях в Коране см.: С. Алескеров. Великий парадокс или два подчёрка в Коране. — М., 2005.

*** Тауфик Ибрагим. На пути к коранической толерантности. — Н. Новгород, 2007. — С. 248.

и Убайй ибн Кааб. Насколько он был шепетил в этих вопросах, говорит история с произношением всего лишь одного слова. Омар пожаловался Пророку, что Абдулла неверно произносит некий глагол, после чего Мухаммад выслушал обоих и подтвердил правильность произношения звука. Еще при жизни Пророка было множество людей, знавших Коран наизусть. Однажды Пророку сообщили, что Абу Муса в собственном доме обучал людей читать Коран. Пророк попросил, чтобы его тайно провели в ту часть дома, откуда он мог бы слышать его и, послушав чтение Корана, остался доволен. Пророк Мухаммад внимательно следил за точным сохранением текста Корана. Если бы он посчитал какие-то стихи отмененными, они бы не вошли в текст Корана. Если сам Пророк не взял на себя миссию отмены, почему же это могут позволить себе другие?

Метод насх привносит релятивизм в толкование Корана — субъективное мнение богословов становится выше божественного откровения. Когда к аятам применяют метод насх, то не учитывают замысла Господа, который обращался к разным аудиториям. Улемы в своей гордыне считают себя выше откровений Аллаха, исправляя Священную книгу, как свою очередную книгу фетв. Метод насх — принципиальная ошибка, подвергающая сомнению саму доктрину ислама, основанную на незыблемости Священной книги. Признание откровений Корана и их незыблемость есть граница, за которой рационализм превращается в игнорирование веры. Это грань не между истинным исламом и ересью, а между верой и атеизмом.

Примирительный подход к различиям в содержании сур предлагает Абдуллахи Ахмед Ан-Наим, который пишет: «Эволюционный подход к толкованию Корана есть не более чем процесс насх (или процесс отмены), направленный в обратную сторону, так чтобы те тексты Корана, которые прежде были отменены, могли быть теперь использованы, и соответственно те тексты, которые ранее использовались в шариате, отныне оказались бы отмененными»*. На самом деле, у каждого из типа аятов (мекканского и мединского) была своя сфера применения: одни принципы были ниспосланы для всех народов и на вечные времена, а другие — для арабов раннего средневековья. Ничего не отменялось и не отменяется в Коране, но есть разные сообщества, для которых они ниспосланы.

Мединская община возникла как первое исламское государство. Как новорожденный не может есть взрослую пищу, а сосет молоко матери, так и ранние мусульмане должны были подрасти, чтобы воспринять вечное. И как ребенок, превратившийся во взрослого, должен забыть детский язык, так и ислам должен перейти с мединского на мекканский образ мыслей.

Господь направлял много пророков на Землю. Они были посланы, чтобы донести истину конкретным народам на их родном языке. Но в их свидетельствах появились искажения и темные места. Сказано: «Ни один из посланных Нами прежде тебя пророков не избежал того, чтобы во время чтения Сатана не вовлек его в ошибку. Но Бог уничтожает внушения Сатаны и восстанавливает истинный смысл стихов Своих» [22:52]. Коран был призван устранить ошибки предыдущих писаний, но в нем самом не следует искать происков Сатаны**. Выдающийся татарский богослов Муса Бигиев после тщательного анализа метода насх, вопреки согласованному мнению (иджма) улемов, заключает: «Священный Коран в общем и в частностях, вплоть до каждого слова, в том виде, в каком он был ниспослан, вечен и сохранен в неизменности»***. Дело не в том, чтобы одни аяты объявлять отмененными, а другие действительными, а в понимании того, что они обращены к разным людям разных эпох. Такое различие аятов исключительно важно с точки зрения современности. Например, джихад как война с неверными имел вполне объяснимый смысл в средние века, когда политика с позиции силы была обычным явлением. Но после Второй мировой войны вместе с появлением новых средств разрушения, чья мощь оказалась соизмеримой с угрозой существованию человечества, международное право, регулирующее конфликты, стало выше принципа применения силы.

Пророк различал малый джихад с применением силы и высший джихад, который предполагает мирное продвижение ислама. Малый джихад нужен был, когда существовала

* Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации. (Гражданские свободы, права человека и международное право). — М., 1999. — С. 70.

** Единственный компромисс, на который можно было бы пойти, это понимание термина «отменено» в смысле отложено, и то это нужно, чтобы оправдать основателей мазхабов.

*** Муса Джаруллах Бигиев. Избранные труды. — Т. 1... — С. 251.

угроза мусульманам со стороны других государств, когда ислам завоевывал новые территории, ведя себя адекватно средневековой эпохе. Действительно, в Коране сказано: «Кто действует против вас насилеи, действуйте насилеи против него, как он действовал против вас» [2:194]. Из-за одного аята о войне упразднили множество других аятов о прощении, терпимости, снисходительности, забыв, что в той же суре «Корова» сказано: «Сражайтесь на Божьем пути с теми, которые воюют против вас, но не делайте несправедливостей, ибо Бог не любит несправедливых» [2:190]. Или: «Не повинуйся неверным, но веди с ними упорную войну этой книгой и мечом» [25:52]. Или: «Скажи тем, которые получили писание, и тем, которые неучены и неграмотны: покорились ли вы воле Божией? Если покорились, то они будут направлены по пути истины; если же обратились вспять, то твоя обязанность — только проповедовать» [3:20].

Сегодня вопросы войны и мира регламентируются не так, как в прошлом. Поэтому под джихадом следует понимать то, что оно буквально и означает — «усердие», битва с «дунья» — материальным миром за духовное начало, борьбу с неверием в себе. Такой смысл дан Господом на все времена. Малый джихад, если он справедлив, то объявляется в целях самообороны, для борьбы с насилеи и тиранией, что вполне вписывается не только в текст Корана, но и рамки международного права. И в этом случае важно помнить слова из Корана: «Мщение за обиду должно быть равно обиде; но кто простит и примирится, тот найдет награду у Бога. Бог не любит злых. Кто мстит за совершенную обиду, тот не будет преследуем; потому что преследовать должно только тех, которые притесняют людей и делают на земле несправедливые насилия» [42:40-42]. У малого джихада есть ограничения, налагаемые принципом справедливости.

Во времена Пророка Мухаммада не было оружия массового поражения. В то время призывы к борьбе с неверными несли совершенно иной смысл и предполагали иные средства. Сегодня мусульманам следует опираться на вечную идею всеобщей солидарности, ниспосланную в мекканский период, ибо человечество, стремящееся к добру, и есть одно из проявлений Аллаха.

Вместо метода насх должен применяться иджитihad, который предлагает современное толкование исламских норм исходя из духа Корана. Иджитihad позволяет постепенно переходить от частных принципов, обращенных к мединской общине, к нормам, ниспосланным для всего человечества.

Неизменен Коран, и един Аллах, а течения в исламе разные. Единство мусульман заключается в признании адептами различных течений плюрализма в исламе. Именно это должно объединять мусульман, а не национальные традиции, возведенные в ранг канон. Пусть ритуалы останутся уделом имамов в мечетях, пусть каждый мусульманин молится, как привык по своему мазхабу. Это не предмет споров. А вот идеи не могут возникнуть вне споров, а вслед за дискуссией рождаются различные пути к истине. Они все могут оказаться правильными, ведь важен сам поиск. Многообразие опыта не ослабляет мусульман, но обогащает мир новым знанием. Изначально ислам несет в себе не только легкость, но и гибкость. Он традиционен в той мере, в какой истины остаются вечными и одновременно современен, так как новые условия жизни людей требуют толкования Корана в соответствии с обстоятельствами, временем и особенностями страны. Рамки Корана достаточно широки для различных интерпретаций.

«Не следуй тому, чего ты не знаешь» [17:36]

Наличие огромного количества тафсиров говорит о том, что Коран не может пониматься однозначно. Это связано с рядом причин. Время и обстоятельства меняют общественные отношения. Страны и народы стали взаимосвязаны общими нормами и обязательствами. Человечество из состояния непрерывных войн переходит к установлению всеобщего мира. Этот процесс идет трудно, противоречиво, но он стал основной тенденцией. По крайней мере, мировые войны больше не происходят. В арсенале человечества появились доселе невиданные изобретения, техника, технологии. Огромное влияние на людей оказывают радио, телевидение и Интернет, а фотографирование и видеозаписи стали столь обычны, что ими снабжают мобильные телефоны, люди выращивают новые виды растений, полученные благодаря генной инженерии, началось клонирование животных и т. д. и т. п. Все это требует осмысления с точки зрения ислама, так как многие осуждают лю-

бое творчество, как вмешательство в сферу, дозволенную только самому Господу. Например, разрешенность фотографирования аргументируют тем, что оно не является творчеством. «Фотографирование, в сущности, является не актом творения, который запрещен в хадисе, а всего лишь отражением, зеркальным изображением реальности», — пишет Юсуф аль-Карадави, выражая широко распространенное мнение, по крайней мере, среди мусульман Персидского залива*. Здесь возникают сомнения. Само фотографирование тоже может быть творчеством, а не просто зеркальным отражением, с другой стороны, осуждение любого творчества есть величайший тормоз на пути прогресса мусульманского мира. Это серьезная тема для обсуждения.

Другой причиной появления различных толкований является многообразие народов и государств. Мусульмане живут в различных условиях, которые считают нормальными, независимо от преобладания в стране христиан, мусульман или же светского характера государства. Сегодня деление стран на Дар-уль-Харб (земля войны) и на Дар-уль-Салам (земля мира) «не отвечают запросам века настоящего с его гигантскими переменами, о которых и подозревать не могли наши предшественники, — пишет Юсуф аль-Карадави. — Сегодня подобные мнения приносят вред Исламу и мусульманам, искажают истинное лицо исламского призыва»**. И тем более нелепо призывать создавать халифаты, хотя таких течений в исламе достаточно и сегодня. Миграция людей, смешение культур и взаимная терпимость, признание правомерности существования различных религий и идейных течений становится нормой жизни все большего количества стран. [...]

В Коране заложена смысловая многозначность стихов, а значит, изначально предполагает понимание его каждым человеком самостоятельно. Не может быть единственно верного толкования Корана, ведь его мудрость в том, чтобы помочь каждому из нас найти свой собственный путь в жизни. Молитвы могут быть массовыми или же личными, но аяты каждый воспринимает в меру своего образования, национальности, профессии.

Что же мы читаем? Какой Коран? Видимо, тот, который связан с сегодняшним днем, говорит нашим языком и помогает выбрать нам верный путь. Древнегреческий философ Гераклит говорил: «Нельзя дважды войти в одну реку». Нельзя дважды прочесть Коран. Он каждый раз оказывается другим, как и сама жизнь. В нем заключена бесконечная глубина, которая раскрывается с его новым прочтением. [...]

Хафиз зубрит Коран, у него в этом смысл жизни. А у самой жизни иной смысл, который записан в «Матери книги». Смысл мироздания содержится и накапливается в этом подлиннике Корана, который воплощает опыт поколений, вселенский разум, постоянно пополняемый человечеством. «Матерь книги» — тайна бессмертия. Многие поколения людей черпали из нее частицу истины, но нет конца этому процессу, ибо Вселенная бесконечна и нет предела ее развитию. Каждый может прикоснуться к этой тайне, если его намерения чисты.

Сказано: «Читай!»

«Читай во имя Господа твоего, который все сотворил» [96:1]

Рафаэль Хаким,
доктор исторических наук

* Юсуф аль-Карадави. Современные фатвы... — С. 228.

** Юсуф аль-Карадави. Современные фатвы... — С. 203.

